

С.А. Гладких
Котласский краеведческий музей

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АДАМА МИЦКЕВИЧА (НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ «ДЗЯДЫ»)

Статья посвящена анализу этнических образов и стереотипов в поэзии Адама Мицкевича. Рассмотрены представленные поэтом характеристики польского и русского народов, выявлены социальные, политические и культурные истоки художественного отражения этнических стереотипов. Сформулированы выводы о существенном вкладе творчества Адама Мицкевича в формирование польского этнического самосознания.

Адам Мицкевич, поэма «Дзяды», этнические стереотипы.

Межэтнические противоречия – одна из наиболее острых проблем современности. Экономические, социальные, политические и культурные корни этих противоречий уходят в далекое прошлое, и один из ведущих аспектов складывания конфликтных отношений между народами – этническое самосознание. Конечно, формирование комплекса устоявшихся представлений о собственном и иных народах – долгий процесс, и здесь немаловажную роль играет национальная литература. Она фиксирует наиболее характерные этнические черты и дает обобщенный образ, некую типизацию национального облика. Поэтому изучение классической литературы, особенно периода становления нации, предоставляет богатейший материал для изучения этнического самосознания. Раскрыв заложенные в литературе этнические стереотипы, мы можем с достаточной степенью уверенности экстраполировать их на современное положение дел в сфере межэтнических отношений и даже выработать определенные рекомендации по использованию этого культурного феномена в приложении к межгосударственным, внешнеполитическим связям. Игнорирование же выработанного веками национального самосознания, как показывает, в частности, кровавый опыт распада Югославии, напрямую ведет к последствиям, грозящим самому существованию этноса.

Неоспоримо и научно-историческое значение исследования этнического самосознания. Историко-литературоведческий анализ позволяет выявить считавшиеся до недавнего времени «третьестепенными» причины межэтнических противоречий прошлого. И здесь одним из наиболее интересных и недостаточных изученных моментов являются русско-польские отношения XIX века, которые представляют собой классический образец взаимного формирования этнических стереотипов в условиях конфликтного сосуществования, обусловленного насильственным включением Польши в состав Российской империи. Безусловно, этот процесс не мог не найти отражения в русской и польской литературах того времени и наиболее ярко проявился в творчестве великого польского поэта Адама Мицкевича, многие произведения ко-

торого не только аккумулировали национальные идеи, но и тиражировали их в массовом сознании формирующейся польской нации. Особенно характерна в этом плане поэма А. Мицкевича «Дзяды» [2, с. 211–437], которая и стала объектом данного исследования.

Но прежде чем перейти непосредственно к анализу поэмы, необходимо указать на сложность изучения вопроса, обусловленную отсутствием единой терминологии. Ключевые понятия исследования – «этническое самосознание», «этнический образ», «этнический стереотип» – являются производными от основополагающего термина «этнос», не имеющего четкой дефиниции. Свою негативную роль сыграла здесь разница в методологическом подходе, ибо этнические процессы изучаются многими науками, имеющими свою специфику: этнографией (этнологией), социологией, политологией, культурологией, географией, историей... Однако большинство специалистов сходятся во мнении, что центральным этноформирующим фактором является противопоставление «мы – они». Поэтому в данной работе этническое самосознание рассматривается именно как осознание принадлежности к определенной этнической группе, базирующееся на бинарной оппозиции «мы – они», «свои – чужие». Под этническим образом понимается целостное представление этнической группы о себе или других этносах, под этническим стереотипом – устойчивое, схематичное и эмоционально окрашенное мнение о характерных чертах своего или иного этноса. Не менее дискуссионный термин «нация» трактуется с позиций этатистского подхода, подразумевающего территориально-политическое оформление этноса и расценивающего нацию как этап в развитии этноса.

Исследуя этническое самосознание польского общества сквозь призму анализа поэмы «Дзяды», надлежит рассмотреть, каким образом и в какой степени представлены в ней специфические черты польского и русского народов согласно антитезе «мы – они», проанализировать этнические образы и стереотипы польского этноса, рассмотреть взгляды автора как носителя этнического самосознания на роль и

место своего народа в истории человечества, попытаться выявить социальные, политические и культурные истоки художественного отражения этнических стереотипов.

«Дзяды» – незавершенная поэма, создававшаяся А. Мицкевичем отдельными фрагментами в разное время, что обусловило дискретность структуры произведения. Фрагментарность, жанровая разнородность, неоднократная смена поэтического ритма позволяют рассматривать отдельные главы «Дзядов» в качестве вполне самостоятельных сочинений. С точки зрения изучения этнических стереотипов наиболее интересны во многом автобиографичная 3-я часть поэмы (по месту написания иногда именуемая «дрезденскими „Дзядами“») и своеобразное приложение к ней – «Отрывок», повествующий о России. «Дзяды» – бесспорный литературный шедевр, обладающий огромной силой эмоционального воздействия, что усиливает эффект от изложенных в тексте этнических воззрений автора-поляка. Исследователю же требуется временно отрешиться от художественной стороны и подвергнуть «Дзяды» холодному научному анализу.

Третья часть «Дзядов» создается после подавления освободительного восстания 1830–1831 гг., когда перед польским обществом остро встал вопрос о перспективах его развития. Именно тогда польская эмигрантская культура фактически стала выполнять политико-идеологические функции, отчасти компенсируя в общественном сознании горькое ощущение утраты государственности. И в этот момент уже зарекомендовавший себя крупнейшим польским поэтом А. Мицкевич (1798–1855) – беспоместный шляхтич, патриот и оппозиционер, бывший член тайного «общества филломатов», друг декабристов и Пушкина, политический ссыльный и эмигрант [12, с. 5–20] – берет на себя титаническую задачу отражения и закрепления на художественной основе польского этнического самосознания. 3-я часть «Дзядов» появляется на свет в 1832 г.

В «Дзядях» ярко проявляется всесторонняя эрудиция автора, получившего блестящее гуманитарное образование в Виленском университете. Он хорошо знаком не только с польским фольклором, но и с крупнейшими произведениями мировой художественной литературы от древнейших времен до современной ему эпохи. Неоднократное появление в «Дзядях» образов нечистой силы и самого дьявола невольно влечет аналогию с «Фаустом» Гете, мистические сцены и романтический настрой отдельных фрагментов поэмы близки творчеству Байрона, рельефно-плакатная выразительность революционных строк (например, песня «Молись, доверчивый народ!» [2, с. 309–310]) заставляет предположить знакомство автора с агитационными песнями А. Бестужева и К. Рыльева [11, с. 88–93]. В тексте поэмы встречаются цитаты из Ф. Шиллера, И. Гете, П. Беранже, отсылки к произведениям Т. Тассо, Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо [2, с. 241, 244, 269, 328, 384 и др.]. Несомненно влияние пушкинской лиры. Но демонстрируемые автором этнические стереотипы имеют куда более глубокие художественные корни. Их следует искать в эпохе античности.

На мысль о немалом влиянии античной литературы на творчество А. Мицкевича наталкивает, выражаясь словами Ф. Ницше, «мучительный бред величия»

[7, с. 41] польского поэта Конрада (читай: Мицкевича) во 2-й сцене 3-й части «Дзядов». Истоки этого характерного для многих крупных поэтов явления восходят к «Egegi monumentum» Горация, существующему и в вольном переложении Мицкевича [6, с. 109]. Однако гораздо более серьезное, причем завуалированное и, возможно, даже подсознательное, использование элементов античного мировосприятия содержится в «Отрывках» 3-й части, а именно – в тех фрагментах, которые характеризуют русского человека. Мицкевич оценивает русский народ как народ нецивилизованный, по сути, варварский. Но такое осмысление этнических различий появилось еще в эпоху античности. Именно античные авторы четко фиксировали физиогномические отличия, разницу в образе жизни и стилистике поведения между представителями «цивилизованного» римско-эллинистического мира и окружающего мира «варваров».

В «Отрывках» (особенно в первой части – «Дорога в Россию») Мицкевич четко указывает основные показатели этнических отличий: внешний облик (лицо, тело, одежда) и образ жизни (быт, поведение) русского народа, а также природу русской земли. При этом Мицкевичу недостаточно ограничиться упоминанием о мертвенности русской природы – для большей эмоциональной выразительности он напрямую сравнивает ее с мертвецом, покрываемым трупными пятнами [2, с. 403, 428], что чрезвычайно резко контрастирует с ярчайшими описаниями роскошной польской природы, например в его поэме «Пан Тадеуш» [4, с. 500–503].

Мицкевич, замкнувшись в оболочке польского этноцентризма, смотрит на окружающую его чужую страну и культуру не изнутри, а извне. Подобно античным авторам (Гиппократу, Псевдо-Аристотелю, Овидию), он склонен сопоставлять внешность и привычки русских людей с суровыми природными условиями, воспринимая их как некое целое. Налицо формирование отнюдь не самого симпатичного этнического образа:

И только их лица подобны доньям

Земле их – пустынной и дикой равнине [2, с. 405].

Любопытно использованное Мицкевичем сравнение русского человека со зверем [2, с. 405] – аналогия весьма распространенная и чрезвычайно древняя, исходящая из пережитков анимизма и тотемизма. Зооморфными образами насыщено творчество Гомера, часто сравнивавшего своих героев с животными по физиогномическим признакам. Призывая: *Дай, Аполлон, уста мне ста Гомеров* [2, с. 417], Мицкевич едва ли не превосходит великого эпического поэта Древней Греции, явно злоупотребляя своими слишком смелыми ассоциациями. Русские люди у него – не просто звери, но еще и медведи, кони, псы, жабы, пауки, скорпионы, мухи, саранча и, венцом всему этому биологическому разнообразию, а вернее, безобразию, – глисты [2, с. 412, 416–419, 422, 428]. Невольно вспоминается ленинская характеристика творчества Ф.М. Достоевского – гениально до омерзения [8, с. 82]. Впрочем, большинство этих сравнений дается опосредованно и применяется по отношению к частям русской армии, по вполне понятным причинам ненавистной польскому обществу XIX века. В расска-

зе же о более простом, неслужилом люде Мицкевич значительно смягчается и даже сентиментально сочувствует ему:

Несчастный ты мужик! Слеза течет

При мысли о тебе, и сердце бьется...

Славянский, обездоленный народ! [2, с. 428].

Но, как видим, даже здесь сочувствие к русскому народу проявляется только в форме сочувствия к славянству. Мицкевич, несмотря на свое «сомнительное» этническое происхождение (*Кровь древних витязей, мать – из земли чуждой* [2, с. 340]), остается поляком без намека на космополитизм, если не считать отождествления им Польши и Литвы. Россия для него – чужеродная страна, русские – чужие люди.

При этом звериный облик русского человека – далеко не единственный показатель его варварской природы. Мицкевич оригинально трактует Овидия, подменяя приспособление к природным условиям, выдвинутое римским поэтом в качестве главного критерия варварства, безропотным приспособлением русского народа к господствующему политическому режиму. Здесь он отчасти прав, ибо для русского крестьянства было весьма характерным восприятие власти как некоего неустраняемого природного явления, сродни бесконечному стихийному бедствию [14, с. 5]. При этом российский правящий режим, согласно Мицкевичу, отличается максимальной жестокостью, о чем ярко повествуют стихотворение «Смотр войска» и описание отношения сенатора Н.Н. Новосильцева к полякам в 3-й части «Дзядов», где он представлен природным зверем, скрытым под личиной внешней цивилизованности [2, с. 380].

Непросвещенность русского народа пугает Мицкевича именно потому, что высшие слои русского общества, обладая образованием, способны на еще большую, уточненную жестокость. Что же ждет в таком случае русский народ, если его «цивиловать»? Сможет ли русский народ преодолеть свое варварство, когда *с запада весна придет к России?* Кто выйдет из кокона загадочной русской души – «дневная бабочка» или «ночная совка»? [2, с. 405, 416] И здесь Мицкевич, исходя из разрабатываемых им идей польского мессианизма, предлагает опыт польского народа для совершенствования народа русского. Автор «Дзядов» отчасти преодолевает античную идею природной предназначенности варваров к подчиненности и рабству, а культурных народов (в данном случае – поляков) к господству, возвращаясь к христианской идее равенства людей и народов, возобладавшей в поздней античности.

Таким образом, Мицкевич в своем творчестве фактически полностью повторяет цикл развития античного понимания этнических процессов. Жестокость без всякой мотивации, звероподобность людей, их политическая пассивность служат Мицкевичу критериями отнесения русского народа к неразвитым, нецивилизованным. Активно используя для иллюстрации этого положения смысловые заимствования из античной литературы, Мицкевич добивается более полной художественной выразительности, облегчающей читателям восприятие внедряемых этнических стереотипов.

В отличие от русских, этнический образ поляков в «Дзядях» выражен менее четко. Описанный обряд «дзядов» (языческий обряд поминовения предков) и использованный в поэме фольклор характерны больше для белорусов, нежели для поляков. Мицкевич почти ничего не пишет о жизни основной массы польского населения – крестьян, создавая образ «идеального поляка» на примере повествования об интеллигенции шляхетского происхождения. Наиболее характерной чертой этих людей является готовность к самопожертвованию во имя родины, но интересны и другие особенности их поведения. Так, весьма показательна сцена попойки, организованной заключенными польскими патриотами в стенах царской тюрьмы (1-я сцена 3-й части «Дзядов»). Другая великая поэма Мицкевича – «Пан Тадеуш» – сюжетно в значительной мере также состоит из показа череды пьяных ссор геройских шляхтичей. Мицкевич не всегда замечает, что в восхвалении родины и земляков ему изменяет чувство меры, а гиперболизация принимает характер иронии: шляхтичи чихают, словно стреляют пушки; лучший кофе готовят именно в Польше; местные лягушки поют лучше, чем где-либо; и даже мух здесь больше, а самые крупные, разумеется, зовутся «шляхетскими» [4, с. 477, 482, 514, 598].

Как видим, в соответствии с «духом времени» Мицкевич в художественной форме выводит, пусть не всегда удачно, этнические образы и стереотипы, характерные для мировосприятия формирующейся польской нации. Неразрывное единство ведущих компонентов этнического самосознания – «мы» и «они», выраженное в жестком противопоставлении поляков русским в силу политической подчиненности большинству первых последним, позволяло ему создать достаточно яркие, хотя и искаженные, образы того и другого народов. Этническое самосознание в условиях территориальной раздробленности и утраты политической самостоятельности являлось сильнейшей цементирующей силой польского общества XIX века. Необходимость консервации этого ведущего духовного показателя этнической самобытности с целью самосохранения польского народа требовала четкой литературной «огранки» всех сторон этнического самосознания, выразившейся в чеканности стиля и простоте аналогий, характерных для тех моментов произведений Мицкевича, где он касается этнических процессов.

Однако, «пестуя» этническое самосознание поляков, Мицкевич вынужден был преодолевать инерцию превращавшегося в исторический анахронизм сословного мышления. Ведь даже сам поэт не в полной мере избавился от шляхетского гонора, что видно по характеристикам героев-поляков в его произведениях (особенно в «Пане Тадеуше»), а мечты о «польском Палене» [2, с. 311–312] явно выражают желание избавиться от царского гнета путем дворянского заговора, а не народного восстания. Но Мицкевич понимает тщетность разрозненных усилий в попытках изменить существующий порядок вещей. Преодолевая ярко выраженную кастовую замкнутость польского дворянства, он решает прибегнуть к использованию в национальных целях традиционной набожности поляков.

Сопоставив польский народ с Христом [2, с. 341], Мицкевич сводит на нет сословные противоречия в общем христианском равенстве перед Богом, но равенстве совершенно иного плана – равенстве богоизбранных. Принадлежность шляхты к польскому народу, их кровное единство определяется теперь не столько правом рождения, сколько уважением к родному языку и обычаям, а также христианской готовностью к самопожертвованию во имя освобождения Родины, а затем – всех, невинно страдающих от несправедливой власти. Идея польского мессианизма теряет узко религиозный смысл и приобретает значение консолидирующей национальной идеи, получая даже еретически-богоборческий оттенок в глазах вселенской католической церкви, ибо несколько «отдает» иудаизмом. Но мессианизм, цель которого в данном случае – спаять нацию, имеет и другую сторону – четкое противопоставление своего народа другим. Здесь он идентифицируется с национализмом и даже шовинизмом, а Мицкевич вступает на зыбкий путь провокатора межнациональной розни.

Русское население сливается для него в некую враждебную инертную массу «проклятых москалей» [2, с. 337], из которой сложно вычлени индивидуальность. Впрочем, Мицкевичу этого и не нужно – ведь тогда враги Польши примут человеческий облик, а для проповедуемой поэтом вооруженной борьбы, как и ведущейся им «войны пером» [13, с. 714], образ врага следует дегуманизировать. Поэтому величественный поэтический пафос Мицкевича неизбежно сводится к заурядному «бей москаля!» [4, с. 557, 571–575]. При этом польский поэт старается воспитать русофобию и в других народах, запугивая их участью Польши [2, с. 289, 421–422].

Заявляя в предисловии к 3-й части «Дзядов», что цель поэмы – правдивое отображение истории [2, с. 289], Мицкевич применяет традиционный в идеологической борьбе прием «полуправды», то есть искажения истины путем сокрытия части информации. Наиболее характерно это в отношении показа судьбы поляков, высланных в Россию. 3-я часть «Дзядов» посвящена автором памяти умерших (важно отметить: именно умерших, а не погибших) в России членов тайных польских студенческих кружков Я. Соболевского, Ц. Дашкевича и Ф. Кулаковского. Однако не менее интересна судьба других упомянутых в «Дзядях» «мучеников народного дела» – Ю. Ковалевского, ставшего ректором Казанского университета, и Я. Янковского, работавшего полицейским чиновником (!) в Вологде [2, с. 285, 307, 309, 717]. Об этих карьерных достижениях своих соратников Мицкевич умалчивает. Впрочем, не гнушается польский поэт и прямым искажением исторических фактов, как, например, в стихотворении «Редут Ордона» [5, с. 105–108, 705].

В своей более ранней и не менее знаменитой поэме «Конрад Валленрод» Мицкевич открыто встает на позиции макиавеллизма, помещая в качестве эпиграфа фразу из «Государя» Н. Макиавелли о том, что в политической борьбе «надо... быть лисицей и львом». Характерно, что единственной строкой, исключенной русским цензором при подготовке этой поэмы к изданию, стала: *у рабов лишь одно есть*

оружье – измена [3, с. 183, 710]. Мицкевич, по сути, предлагает польскому народу далеко не христианскую систему ценностей, согласно которой нравственным является все, что служит делу национального освобождения.

Центральным объектом нападок Мицкевича становится узурпировавшее польский трон российское самодержавие. Ненависть к нему распространяется на весь государственный механизм Российской империи, на его представителей как в Польше, так и в самой России, то есть на верхушку чиновного аппарата; и в меньшей степени – на дворянскую знать и русское население, не желающих самостоятельно скинуть с себя ярмо антинародной власти. «Отрывки» 3-й части «Дзядов» зачастую представляют собой злобный пасквиль на российскую действительность того времени. Конечно, Мицкевич далеко не одинок в своем негативном отношении к «жандарму Европы». Достаточно вспомнить записки маркиза де Кюстина [1, с. 421–660] – чем не Мицкевич в прозе? Однако у польского поэта другие цели. Чем рельефнее он демонстрирует образ «они», то есть русских, чем активнее он создает «комплекс врага», тем отчетливее на этом фоне выступает образ страдающего, но гордого польского народа с его божественной миссией спасения человечества от тирании.

Путем исключения негативных черт из этнического образа польского народа за счет приписывания их в первую очередь русскому (хотя Мицкевич подчас нелестно отзываясь о немцах, австрийцах или французах, они по причинам политического порядка остаются на втором плане) автор «Дзядов» формирует этническое самосознание не простым противопоставлением «мы – они», а более эффективным и эффективным, легко воспринимающимся различием «хорошие – плохие», «добрые – злые». Однако в разряд «нехороших» попадает родственный, славянский народ. Мицкевич оказывается в затруднительной ситуации, из которой, однако, выпутывается виртуозно.

При описании русского народа поэт отмечает, что в недрах его таится великая сила, которую можно использовать как во благо, так и во зло [2, с. 405]. Не уничтожит, не сметет ли эта сила с лица земли Польшу и ее народ? Равная потенция созидательного и разрушительного начал русской нации вынуждает искать пути, позволяющие направить ее мощь в позитивном направлении, но, пока существует самодержавие, – будет господствовать обратная тенденция. И чтобы переломить ее, Мицкевич отделяет российскую правящую верхушку от русского народа, показывая ее исключительно в черном цвете [2, с. 383, 412, 420]. Подчеркивая непреодолимость сословной пропасти между сановником и мужиком, он убежденно проводит линию кардинального противопоставления интересов знати и простого люда. У русских должна быть иная власть, иная национальная идея. И эту идею по принципу «нет пророка в своем Отечестве» Мицкевич предлагает заимствовать у поляков – народа, искупающего грех тирании своими страданиями во благо всеобщей свободы. Польский народ оказывается ближе русскому, чем правящая элита. Русские, как братья-славяне, должны идти вслед за польской нацией. Этим они искупают теперь уже свой грех перед по-

ляками – грех безропотного подчинения самодержавной власти, выраженный всеобщим послушанием и армейской дисциплиной.

Трудно представить более изощренное поэтическое издевательство, чем то, которому Мицкевич подвергает в «Отрывках» («Смотр войска») русскую армию. Причины этого злопыхательства очевидны: армия олицетворяет собой царский строй, она – важнейшая опора режима, она – исполнительница бесчеловечных решений, она, наконец, – оккупант Польши. Но ведь солдатами в ней служат простые русские люди, не запятанные чертами вырождения власть предержащих. И тогда Мицкевич по прежней аналогии отрывает армию от народа, лишает ее национального начала, отождествляет с самодержавием и механически переносит на нее всю свою ненависть. Армия выступает грандиозным символом России, где каждый человек предстает начисто лишенным личных качеств инструментом царской власти – той силы, которая противостоит Польше. Это ярчайшее изображение врага – бездушного, жестокого, страшного, подобно образу татар в древнерусской литературе или образу фашистов в советской поэзии. Но в 3-й части «Дзядов» Мицкевич находит чрезвычайно сильный образ, не позволяющий окончательно низвергнуть польский патриотизм в трясину национальной ненависти. Этот образ – Лонгин, солдат Пилата, распнувший Христа, но уверовавший и прощенный Богом [2, с. 341, 719]. Это – русский солдат и его будущее в понимании Мицкевича.

Согласно идеям Адама Мицкевича, оправданием русскому народу, закосневшему в варварстве подчинения угрожающей всему миру тирании самодержавия, служат два качества, сближающие его с польским народом: одинаковая панэтническая и конфессиональная принадлежность. Только на основе славянского и христианского единства, опираясь на тяжкий опыт польского народа, Россия может обрести свободу, провозвестниками которой выступают два великих поэта – Мицкевич и Пушкин [2, с. 414]. И обрести ее можно, совместно выступив против одинаково враждебного обоим народам самодержавия – исчадия ада и порождения антихриста (*Петербург построил сатана* [2, с. 410]), утратившего национальные черты и не имеющего никакого морального оправдания своему существованию. Русского царя Мицкевич напрямую ассоциирует с Иродом и косвенно – с дьяволом [2, с. 322–323, 330, 337, 340]. Поэт ставит царскую власть вне славянского и христианского мира. Она несправедлива – и она должна пасть. Польша восстала первой. Очередь – за Россией.

Так, указывая путь спасения русскому народу по примеру польского, Мицкевич создает своего рода «кодекс чести» угнетенной нации. Этническое самосознание переходит в осознание морального превосходства, дающего обоснование борьбы за свободу как национальную независимость (*под скитетром царя свобода невозможна* [2, с. 295]), причем борьбы любыми средствами. Тем самым оно становится исходным пунктом национального освобождения. В жестких условиях политической и идеологической борьбы, редко когда честной и справедливой, Мицкевич не просто отражает, но и путем столь же жесткого

противопоставления, осмысления «мы» через «они», формирует этническое самосознание польского народа, выступая воистину национальным поэтом: *Как пламенную песнь, я мой народ создам* [2, с. 319]. Однако тем самым он изначально закладывает конфликтность польского этнического самосознания в отношении русских: ведь «братьями» они смогут стать только тогда, когда вместе с поляками начнут разрушать свое собственное государство. В любом ином случае они по-прежнему останутся врагами – врагами свободы, Польши и поляков.

Творчество Мицкевича, самобытно интерпретировавшее лучшие достижения мировой классической литературы, в доступной и художественно убедительной форме выразило авто- и гетеростереотипы польского этнического сознания. Зафиксировав печатным словом самосознание народа, автор «Дзядов» фактически открыл перспективу борьбы за политическую самостоятельность как закономерную ступень развития этноса и преобразования его в нацию. Процесс консолидации нации, выраженный известной формулой Э. Ренана – «общая слава в прошлом и общая воля в настоящем», не мог осуществиться без влияния национальной литературы и самой эмоциональной ее части – поэзии. Осознание исключительности польского народа, накрепко «вбитое» трудами Мицкевича в головы поляков, знаменовало окончательное оформление этнического самосознания и переросло в требование национальной независимости, подразумевавшее вооруженную борьбу с Российской империей. Отсюда – огромная идеологическая и политическая значимость творчества польского поэта, немедленно отмеченная «рогатками» русской цензуры.

Ныне для поляков Мицкевич является тем же, что и Пушкин для русских – величайшим национальным поэтом. Однако даже так называемая «антипольская трилогия» Пушкина («Перед гробницею святой», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина») не содержит оскорблений в адрес польского народа (разве что за исключением эпитета «кичливый лях»), а русско-польский конфликт представлен в ней как «семейная вражда» [10, с. 155]. Вспоминается также фраза из «Бориса Годунова», сказанная о польских интервентах и во многом совпадающая с описанием из «Пана Тадеуша»: «поляки лишь хвастают да пьют» [9, с. 270]. Конечно, Пушкин тоже не был свободен от этнических стереотипов. Но у него нет никаких призывов к национальной розни. А в значительной мере русофобское творчество Мицкевича со школы внедряется в сознание юных поляков, становясь одной из духовных первооснов их этнического самосознания независимо от радикального отличия конкретно-исторических условий наших дней и эпохи создания «Дзядов». Поляк по-прежнему ощущает себя поляком на основе противопоставления русскому. Поэтому, с учетом тяжелой истории взаимоотношений двух народов и при доньне культивируемом в польском самосознании негативном отношении к русским, строить радужные представления о светлом будущем русско-польских отношений, по крайней мере в обозримой перспективе, представляется явно преждевременным.

Литература

1. Кюстин, А. де. Россия в 1839 году / А. де Кюстин // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. – Ленинград : Лениздат, 1991.
2. Мицкевич, А. Дяды / А. Мицкевич // Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы. – Москва : Художественная литература, 1968.
3. Мицкевич, А. Конрад Валленрод / А. Мицкевич // Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы. – Москва : Художественная литература, 1968.
4. Мицкевич, А. Пан Тадеуш / А. Мицкевич // Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы. – Москва : Художественная литература, 1968.
5. Мицкевич, А. Редут Ордона / А. Мицкевич // Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы. – Москва : Художественная литература, 1968.
6. Мицкевич, А. Eхegi munimentum aere perennius... / А. Мицкевич // Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. – Москва : Художественная литература, 1968.
7. Ницше, Ф. Злая мудрость / Ф. Ницше. – Москва : Триада–Файн, 1993. – 240 с.
8. Пирумова, Н. [М.] Разрушитель / Н. М. Пирумова // Родина. – 1990. – № 2. – С. 79–83.
9. Пушкин, А. С. Борис Годунов / А. С. Пушкин // Пушкин, А. С. Евгений Онегин. Драматические произведения. Романы. Повести. – Москва : Художественная литература, 1977. – 195 с.
10. Пушкин, А. С. Клеветникам России / А. С. Пушкин // Пушкин, А. С. Избранные произведения. – Москва : Художественная литература, 1968. – Т. 1.
11. Русские поэты: Антология русской поэзии в шести томах. – Москва : Детская литература, 1991. – Т. 2. – 734 с.
12. Стахеев, Б.[Ф.] Адам Мицкевич / Б.Ф. Стахеев // Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы. – Москва : Художественная литература, 1968. – 742 с.
13. Стахеев, Б.[Ф.] Примечания / Б.Ф. Стахеев // Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы. – Москва: Художественная литература, 1968.
14. Трошина, Т. И. Население и власть на Севере России / Т.И. Трошина // Вопросы истории. – 2010. – № 4. – С. 3–14.

S.A. Gladkikh

ETHNIC STEREOTYPES IN ADAM MICKIEWICZ'S WORKS (ON THE EXAMPLE OF THE POEM «DZIADY»)

The article analyses ethnic images and stereotypes in Adam Mickiewicz's poetry. It represents the characteristics of the Polish and Russian people the poet revealed, suggests the social, political and cultural origins of ethnic stereotypes in art. Sergey Gladkikh highlights Adam Mickiewicz's considerable contribution to the Polish ethnic identity formation.

Adam Mickiewicz, poem «Dziady», ethnic stereotypes.